

КОРЕННОЙ ЛЕНИНГРАДЕЦ

Елена Гришина, Александра Валаева

© Лупейко Владимир/Фотохроника ТАСС

БОРИС МЕЛЬНИКОВ ВХОДИЛ В СОСТАВ САБЕЛЬНОЙ СБОРНОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, КОТОРАЯ В 1964 ГОДУ В ТОКИО ЗАВОЕВАЛА ПЕРВОЕ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФЕХТОВАНИЯ ОЛИМПЕЙСКОЕ «ЗОЛОТО» В МУЖСКОЙ САБЛЕ. МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ С БОРИСОМ БОРИСОВИЧЕМ В ДНИ, КОГДА СЕВЕРНАЯ СТОЛИЦА ВМЕСТЕ СО ВСЕЙ СТРАНОЙ ОТМЕЧАЛА 75-ЛЕТНИЕ СО ДНЯ СНЯТИЯ БЛОКАДЫ. ЕСТЕСТВЕННО, В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ РЕЧЬ ПОШЛА ОБ ЭТОМ.

БЛОКАДА

Я коренной житель Ленинграда. Всю блокаду, от и до, прожил в городе безвыездно. Мне три года было, когда она началась. Мать сказала – никуда не поедем. Нас было пятеро: я, моя мама, бабушка, а также мамина родная сестра тетя Нина и ее сын, мой двоюродный брат Володька, одного со мной возраста. Мы жили в коммуналке по адресу Саперный переулок, дом 2, а бабушка – в Саперном переулке, дом 4 в отдельной квартире с огромными комнатами и кухней. Саперный – это самый центр Ленинграда: рядом Невский, улицы Восстания, Маяковского... Когда война началась, бабушка позвала нас к себе. Мы переехали. Все остались живы благодаря бабушке. Она сразу сказала: «Значит, так. Есть завтрак, есть обед и есть ужин. Все, что у нас имеется в доме, делится на равные части. Нас пятеро, значит, на пять частей. Съедаем за завтраком то, что будет, за обедом то, что будет, за ужином то, что будет. Больше никто никогда ничего не трогает». У бабушки еще было три дочери: Мария, Александра и Антонина. Они ушли воевать и все вернулись живые. И мы пятеро выжили.

Напротив нашего дома, на другой стороне Саперного переулка, стояла зенитная часть. Мама и тетя ходили туда иногда стирать белье. И им давали еды, скажем, чечевичной каши в котелке, которую я безумно люблю по сегодняшний день.

Помню досконально все, что тогда происходило. Помню трупы, которые, как бревна, стояли у ворот,

когда выходишь на улицу. Помню, как мы с братом спали на одной оттоманке и я его защищал от крыс. Про отца пришла бумажка, что он пропал без вести. Решили, что его убили. В 1946 году мать снова вышла замуж. И мы переехали из квартиры в Саперном переулке на улицу Воинова. Наш дом объединял семь дворов. Существовал проход через все дворы по чердакам, по подвалам. Мы там гуляли и делали все, что хотели. Нас жило в этих дворах 38 пацанов, кто-то на год старше, кто-то на два. Мы были бандитами, и я в том числе. Дрались улица на улицу, дом на дом. Просто подходили к людям и говорили: «Давай то, давай это». В домовой книге, которая находилась в жилконторе, моя фамилия стояла первым номером. Мельников был самым главным бандитом. Из 38 человек 24 отсидели за хулиганство. Я избежал тюрьмы только благодаря спорту.

ФЕХТОВАНИЕ

Спортом – не физкультурой, а именно спортом – я начал заниматься в 10 лет. По юношам два года играл в футбол за «Зенит» и дважды становился чемпионом Ленинграда. Также был два года чемпионом Ленинграда по пулевой стрельбе. В фехтование пришел, насмотревшись трофейных фильмов: «Королевские пираты», «Остров страданий», «Приключенция Робин Гуда». Поначалу мы фехтовали у себя во дворе на деревянных мечях, которые сами делали. В секцию фехтования я пришел в 1953 году – во Дворец пионеров имени Жданова (теперь это Дворец творчества юных). Мне было уже 15 лет. Тренер построил нас и спросил, кому сколько лет. Я сказал: «Пятнадцать». Мне говорят: «До свидания». И я с братом Володькой пошел в школу горно. Туда нас взяли.

Первым моим тренером была Вера Григорьевна Булочко, жена Константина Трофимовича Булочко. Через полтора месяца тренировок Вера Григорьевна мне сказала: «Боря, из тебя получится классный лыжник. Фехтовальщик – никогда».

А я решил: умру, но буду фехтовать. Приходил на тренировки и в сторонке двигался, выполнял приемы, которые остальные делали. Без тренера. Сам по себе трудился. Прошел год. Начался чемпионат Ленинграда среди юношей, и меня поставили выступать на рапире. Возможно, не хватало людей, а тренеры видели, как я тренировался. Неожиданно я занял второе место, а первым

стал Виктор Жданович, который занимался на два года больше, чем я. В командных мы со Ждановичем выступали вместе и выиграли. Тогда-то тренерам пришлось признать, что я – фехтовальщик.

После этого я забросил фехтование и полгода играл в футбол, но как-то в 1955 году пообщался с Константином Трофимовичем и сказал ему: «Хочу фехтовать на сабле». Сабля мне нравилась больше, чем рапира. Он говорит: «Боря, ты освой сначала как следует рапиру, а потом уже и насчет сабли подумаем».

В конце концов Константин Трофимович все же начал меня тренировать. На чемпионате Ленинграда 1956 года я фехтовал на сабле. В личных соревнованиях опять занял второе место, а первым был Александр Ветров, который ездил на Олимпийские игры в Мельбурн и в составе сборной СССР завоевал «бронзу». Что интересно, в командных мы со Ждановичем опять выступали за сборную го-

роно, но уже по сабле. И снова победили.

В том же году я стал чемпионом Советского Союза среди юношей и был зачислен кандидатом в сборную команду страны. В 1958-м на молодежном первенстве мира я был 8-м. А в 1959 году на сборе перед «миром» меня тренировал Иван Ильич Манаенко. В великолепной форме! До финала все бои выигрывал 5:0, 5:1. В финале выхожу драться с поляком Парульским. И вот при счете 4:4 двое боковых судей присуждают фразу моему сопернику, хотя старший считает, что фраза моя. Я страшно расстроился. После этого проиграл венгру. А потом еще один бой проиграл и один выиграл. В итоге занял четвертое место.

СИЛЬНЫЕ ФЕХТОВАЛЬНЫЕ СТОРОНЫ
Самой сильной моей стороной как фехтовальщика было передвижение. Ноги быстрые, ско-

рость сумасшедшая. Если я делал шаг вперед, скачок-выпад – это как из пушки. Основной козырь – атака. В атаке я мог все что угодно: и перехватывать, и догонять. Флеш-атаки делал мощные, а вот в защите был послабее. За сборную Украины выступал тогда классный саблист Шандор Батызи, венгр по национальности. Мне он нравился тем, как передвигается по дорожке, как дерется. Я постоянно наблюдал за ним. Смотрел и думал: «Научусь это делать так же, как он». На тренировках повторял увиденное и в конечном итоге стал все выполнять, как он, а может, даже лучше.

ТРЕНЕРЫ

Человеком, который всему научил меня в фехтовании, был Константин Трофимович Булочко. После него – Владимир Владимирович Вышпольский, 20-кратный чемпион Советского Союза, который выигрывал соревнования и на рапире, и на шпаге, и на сабле.

Вышпольский тоже вложил в меня очень много. Но, если честно, фехтовать на высоком уровне я начал, уже тренируясь у Кузнецова.

ОЦЕНКИ В ДИПЛОМЕ

Я окончил Институт физической культуры и спорта имени Петра Францевича Лесгафта. Прошел все виды спорта: спортивные игры, гимнастику, легкую атлетику, большой теннис, плавание – и теорию, и практику. Сдавал зачеты и экзамены. Во вкладыше с оценками, который идет в диплом, у меня по всем видам спорта «отлично». Единственная четверка – по фехтованию.

Дело в том, что вместо 4 лет я учился 6, так как постоянно был на сборах, на соревнованиях. У меня уже появилась семья: жена, двое детей. Нужно было деньги зарабатывать, поэтому пришла пора заканчивать. Оставалось сдать экзамен по фехтованию. Принимать его должен был старший преподаватель Валентин Иванович Федоров. Но он чинил препятствия, потому что хотел, чтобы я остался в институте и выступал в чемпионате спортивных вузов. Я пытался объяснить ему, что, по положению, могу выступать и закончив вуз. Но он ни в какую. Тогда в один прекрасный день я пришел к завкафедрой Константину Трофимовичу Булочко. «Тащи, – говорит, – билет». Беру билет. Спрашивает: «Знаешь?» «Константин Трофимович, – отвечаю, – я же профессиональный фехтовальщик. Как вы думаете, знаю я или нет?» Он говорит: «Ладно. Поставлю тебе четыре. Хватит?» Я соглашаюсь: «Ну, четыре так четыре». Вот так у меня появилась единственная четверка в дипломе.

ЦСКА

До ЦСКА я выступал за «Буревестник». В декабре 1964 года приехал посмотреть чемпионат Ленинградского военного округа по фехтованию и встретил там своего люби-

мого тренера Владимира Владимировича Вышпольского, полковника, на тот момент начальника военной кафедры в институте физкультуры. Он мне и говорит: «Боря, а не перейти ли тебе в вооруженные силы? У тебя и денег будет больше, и офицерское звание выше».

Звание младшего лейтенанта у меня уже было, поскольку в институте физкультуры я окончил военную кафедру. В общем, Владимир Владимирович меня уговорил – меня и Виктора Ждановича. Мы с ним написали рапорты, а в январе Вышпольский поехал в Москву, лично пошел к министру обороны и положил их перед ним. Тот сказал: «Нет проблем». В феврале мы уже были в вооруженных силах.

ДРУЖБА

В юности у нас была тройка друзей: Виктор Жданович, Владимир Балон и я. Мы учились на одном курсе в институте Лесгафта. Вместе окончили институт. Володька потом переехал в Москву, а мы с Витькой остались в Ленинграде. Постоянно общались, ходили друг к другу домой.

И в команде, когда я выступал за сборную, мы тоже были очень дружны. Готовы были друг за друга на что угодно пойти. У меня сло-

жились прекрасные отношения с Яшей Рыльским.

Первым из нашей пятерки ушел Нугзар Асатиани, очень рано ушел. Затем Рыльский и Умяр Мавлиханов. Осталось нас двое: Марк Ракита и я. Созваниваемся, когда я бываю в Москве, общаемся.

ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

В 1964 году я выиграл чемпионат Союза и попал в олимпийскую сборную. Вряд ли можно говорить, что мы ехали в Токио побеждать. По одной простой причине: три года подряд перед Олимпиадой – в 1961, 1962 и 1963-м – чемпионами мира становились поляки во главе с Ежи Павловским. Но в Токио мы выиграли у поляков в полуфинале. В финале вышли на итальянцев.

Я дрался в четвертушке и в полуфинале. В финале не фехтовал, потому что перед этим улетел с помоста. Дрались без меня. Победили 9:7. Впервые команда саблистов Советского Союза стала чемпионом Олимпийских игр.

Я должен был и в Мексику в 1968-м ехать. В том сезоне шел вторым номером. Стал вторым и на чемпионате Союза – после Умяра Мавлиханова. А на сборе перед Олимпиадой мы играли в футбол, и мне разбили ногу. На тренерском совете Лев Федорович Кузнецов выступил и сказал: «У Мельникова травма, поэтому он не готов». И я остался дома. 1968-й – это черный год в моей спортивной жизни. Мне, конечно, было очень обидно.

ЯЗЫКИ

Когда я фехтовал за сборную, то был у наших саблистов переводчиком. Язык выучил в школе и в институте. Мне повезло: в институте Лесгафта была прекрасная преподавательница. Когда в Египет приехал, английский знал идеально. Читал лекции по фехтованию на английском языке. А через полгода свободно начал говорить на арабском. Сейчас уже ничего не помню ни по-английски, ни по-арабски: нет практики.

ЕГИПЕТ

В 1968 году я не попал на Олимпиаду, в 1969-м – на чемпионат мира. Мне исполнилось 30 лет,

и мне сказали: «Ты уже старый, нужно заканчивать. Есть молодые». Я отвечал: «Закончу, не вопрос. Но пусть эти молодые у меня выиграют. Уйду в одну секунду, если впереди будут люди, которые лучше меня». Тогда мне предложили поехать за границу. Сказали, что пришли персональные вызовы из Болгарии, Турции и Египта. От Болгарии я отказался, потому что имело смысл ехать, чтобы заработать, а в Болгарии заработать не получилось бы. В Турцию меня бы просто не пустили, потому что я офицер, а никаких отношений между вооруженными силами Советского Союза и Турции не было. И я согласился на Египет.

Контракт был на два года. Год отработал, и в 1971 году мы поехали на Средиземноморские игры в Измир. Египтяне там заняли шестое общекомандное место. Это было удивительно: нищая страна, а отправила на Игры огромную делегацию. Но после тех соревнований в стране сменилось спортивное руководство. Пришли новые люди и сказали, что надо разделить все деньги поровну между всеми федерациями. А федерация фехтования была на тот момент самая богатая. Поэтому она и имела возможность заключить контракт с иностранным специалистом. Когда деньги поровну разделили, у фехтовальщиков их оказалось мало. Меня пригласили в кабинет и сказали: «Мы бы с удовольствием оставили вас еще хоть на 5 лет, вы нам подходите. Но у нас больше нет денег, чтобы оплачивать вашу работу». Таким образом, я прилетел в Египет в сентябре 1970 года, а вернулся домой в октябре 1972-го.

АКАДЕМИЯ

По возвращении мне нужно было где-то работать. Вариантов было два. Первый – это военная академия имени Можайского. Там работали мои друзья, которых я знал с детства. Они окончили школу,

затем академию и стали в ней преподавателями. Предложили идти к ним. Другой вариант – военно-медицинская академия. Туда меня позвал олимпийский чемпион по биатлону Николай Пузанов. Сказал: «Иду устраиваться на службу. Пойдем вместе». Я пришел в академию в январе 1973-го и, отработав там на кафедре физподготовки 38 лет, до сих пор не жалею, что сделал такой выбор. Преподавал легкую атлетику, гимнастику, лыжи, плавание, спортивные игры и так далее. Выпустил моих родных 9 курсов. А каждый курс – это 140–150 человек. Плюс два курса пехоты, один курс летчиков и шесть курсов моряков.

Многие мои выпускники стали высококлассными врачами, возглавили клиники и кафедры. Два курсанта: один с морского факультета, другой летчик – сегодня заместители начальника академии: по клинической работе и по учебной.

ПОСЛЕДНИЕ СОРЕВНОВАНИЯ

Когда я вернулся из Египта, то через месяц отправился на чемпионат мира среди вооруженных сил, который проходил в Киеве. В команде кроме меня были Ракита, Назлымов, Винокуров, Сидяк – все олимпийские чемпионы, чемпионы мира. Я за весь турнир не проиграл ни одного боя. Когда финал закончился, ребята спросили: «Слушай, Боря, а что ты делал в Египте?» Я отвечал: «Играл в футбол».

Я привез из Египта две золотые медали по футболу. Там ежегодно проходил международный футбольный турнир, в котором участвовали представители дикорпусов. В нем играли две советские команды, две арабские, итальянцы, болгары, венгры, румыны, немцы. 12 команд играли по кругу, как в большом футболе. А последний раз я дрался на Спартакиаде народов СССР в 1979 году.

ВETERАНЫ

В 2008 году, когда мне исполнилось 70 лет, я участвовал в ветеранских соревнованиях. В командном турнире выиграл свой первый бой, а во втором порвал ахилл. Врач оказался «чайником», сказал, что это просто растяжение. Мне дают эластичный бинт, сам забинтовываю ногу. Ребята говорят: «Боря, терпи». Отвечаю: «Да нет проблем». И вот судья вызывает на дорожку. Но я не мог просто отстоять свои бои. Врач предупредил: «Вы обязаны двигаться. Если не будете двигаться, сниму вас и вашу команду». И мне пришлось двигаться с порванным ахиллом. А в финале мы встречались с немцами. Наши представители разговаривали с ними, и те сказали: «Раз у Мельникова травма и ему тяжело двигаться, мы с ним драться не будем». И ребята попросили: «Боб, они с тобой драться не будут. Ты поэтому не выигрывай, пожалуйста». «Да как не выигрывать-то? – спрашиваю. – Я для чего вышел?» Вот такая ситуация. Ну, и в результате у нас «серебро», у немцев «золото».

СУДЕЙСТВО

Я имею международные категории по двум видам оружия: по рапире и по сабле. В сабле судил все бои, включая финальные, в рапире – только до финалов.

Помню, в 1960 году на первенстве мира среди юниоров, которое проходило в Ленинграде, во время соревнований по женской рапире подошел ко мне главный судья соревнований, американец: «Мистер Борис, прошу вас отсудить бой за третье место». Отвечаю: «Простите, но я не имею права судить эту встречу, у меня в рапире только категория В». Он говорит: «Не играет роли». Я согласился. Отсудил – никаких претензий. Судил этапы Кубка мира в США, первенство мира среди юниоров в Мексике. Естественно, я в качестве судьи присутствовал на всех

соревнованиях, которые проходили в нашей стране, включая Олимпийские игры в Москве 1980 года.

Всегда старался судить справедливо. В моей компетентности и честности никто не сомневался. Когда, например, однажды в финале чемпионата Советского Союза встречались рапирные команды Ленинграда и Москвы, москвичи попросили поставить меня старшим судьей на дорожке. И я отсудил. Москвичи тогда выиграли.

КАРЬЕРА В КИНО

Я снимался в фильме «Сотвори бой» студии «Беларусьфильм», который вышел в 1969 году. В этом фильме я фехтовал за Александра Збруева, который играл главного героя. Помимо меня в этом фильме снимались еще два фехтовальщика, оба сабlistы: Олег Глазов и Валерий Хархалуп. Они заменили на дорожке актеров, игравших соперников главного героя. Мы все там дрались, надев маски. Естественно, наших лиц не видно. Это был первый и последний раз, когда участвовал в съемках художественного фильма: меня пригласили, я согласился.

А в 2010 или 2011 году проходили съемки документального фильма, который был посвящен известным спортсменам, пережившим ленинградскую блокаду. Я стал одним из главных героев этой картины. Там еще снимались олимпийские чемпионы, чемпионы мира и Европы легкоатлетки Галина Зыбина и Тамара Пресс, штангист Борис Селицкий. В фильм включены документальные кадры блокадного Ленинграда, и мы, как главные герои, рассказываем о том, как пережили блокаду, как остались живы, а потом добивались успехов в спорте.

СЕГОДНЯ

С 2014 года я участвую в акции, которая называется «Олимпийские легенды – детям и молодежи России». Мотаемся по стране в компании олимпийских чемпионов. Посещаем общеобразовательные и спортивные школы, техникумы, институты, военные училища. В этом году ездили в Приморский край, побывали во Владивостоке, в Находке. Так что я не просто так сегодня живу на белом свете.

